

ЛЕЙКИНУ ОБЕЩАНА КАМЕРА ЛЮКС

НИЗ-ЗЯ!

Леоида ЛЕЙКИНА называют вторым Чаплином. Он — клоун, мим из знаменитых питерских «Лицедеев». А еще вел передачу «Доброе утро с Леонидом Лейкиным» на ТВ, пишет стихи и прозу, участвует в кинопроектах. И занимается режиссурой: выпустил в своем театре премьеру «Доктор Пирогофф», ставил номера-клоунады в московских спектаклях «С приветом, Дон Кихот» в Школе современной пьесы и «Все... Все... Все?..» в антрепризе Наума Брода. Ныне Леонид Лейкин — художественный руководитель клоун-мим-театра «Лицедеев» в Санкт-Петербурге.

— Ляня, помню, при вручении вам профессиональной премии сатириков и юмористов «Золотой Остап» вас назвали вторым Чаплином. Это не вскружило голову?

— Вскружило: две ночи не мог уснуть. Я на следующий день сел в самолет догонять наших ребят, которые поехали во Францию. Догнал в Германии, все рассказал. И наши были очень рады, потому что это успех всего театра «Лицедеев». Но из колеи меня похвалы не выбили: я такой человек, который всегда в себе сомневается.

— А как вы стали «лицедеем»?

— В семьдесят девятом году познакомился со Славой Полуниным. Я тогда работал осветителем в Ленинградском мюзик-холле, и ребята из балета Славе сказали: у нас тут осветитель есть, который делает все еще смешнее, чем вы. Полунин меня пригласил в «компанию», и после армии я к ним пришел. Поначалу снова работал осветителем и месяца три занимался в студии при театре, пока она не закрылась. А потом потихонечку вышел на сцену. У нас были всякие «бяки», когда все, и я в том числе, показывали свои идеи. А уже в восьмидесят четвертом году мы со Славой придумали известный номер про «Ай-яй-яй» и «Низ-зя». Во время гастролей в Одессе я нашел очень смешной тембр голоса, которым всем уши прожужжал, всех достал своим «Ай-яй-яй». Хотел сделать отдельный номер, но на «бяках» Слава мне предложил: давай, я на сцене захочу что-то взять, а ты мне этим тембром из-за кулис говоришь «Ай-яй-яй» и «Низ-зя». Я ему: зачем из-за кулис в микрофон говорить, когда я могу по сцене за тобой ходить? Ты хочешь что-то взять, я: «Низ-зя!», ты на меня замахваешься, а я «Ай-яй-яй!» Так за пятнадцать минут все и придумали.

— А что такое «бяки»?

— Что-то типа капустников, из которых наши номера и рождаются. Клоунада — искусство, которое нуждается в покое. Можно что-то придумать — и вроде смешно, а покажешь другим — не смеются. Поэтому все работы мы проверяем на друзьях. Приглашаем человек пятьдесят, вместе пьем чай, сушечки там, тортики, иногда пиво. И показываем новые номера, а потом обсуждаем их все вместе, решаем, что получилось, что нет. Но главное, не говорить во время показа «Это плохо!», чтобы человек не зажался. И так понятно: хорошо — это когда аплодируют, смеются, радуются. Не зря девиз нашего театра «анима аллегра», что значит «радостная душа».

— Один из самых популярных ваших персонажей — доктор Пирогофф. Как он возник?

— Придумал его еще в восьмидесят четвертом. Но десять лет идея вылеживалась. У меня есть такая тетрадка для записи идей, называется «дневнесягодыписник». Могу туда по гогу не заглядывать, а потом взять и что-нибудь записать. Но, думаю, если бы сделал этот номер в восьмидесят четвертом, меня бы куда-нибудь сослали. И потом, идея должна настояться, как суточные щи, которые, настоявшись, еще вкуснее становятся. Идея этого номера простая: вот мы живем, а над нами есть что-то, что нами всегда командует. И записал я ее так: стоит человек, смотрит в зал, кого-то замечает, и вдруг откуда-то сверху начинают идти команды: «сидеть», «стоять», «главный», потом одновременно — «летите, пишите, думайте, подозревайте, отдыхайте!» И человек все это молниеносно исполняет.

— Ваш доктор Пирогофф сродни чаплинскому герою — тоже одинокий маленький человек. Вам близка эта тема?

— Да это у всех комиков было: у Китона, Ллойда. Понимаете, если клоуна не будет жалко, уйдет поэзия. Клоун такой — сначала делает, потом думает. Или вообще не думает. И от этого попадают в разные трагические ситуации. Клоун, как ребенок, его жалеть нужно. Ну а детали образа рождаются в работе: симпривизировал — зал взорвался, значит, закрепляешь находку. Номер постепенно кристаллизуется, как бриллиант.

Толчком в работе может послужить что угодно. Когда говорил номер «Ай-яй-яй», нашел в театре комбинезон американского рабочего тридцатых годов, который и был-то большой, а я его сделал еще больше. А для доктора Пирогоффа, который, кстати, к ученому-однофамильцу никакого отношения не имеет, положили маленькие штаны, которые на меня еле налезали: все в краске, с рваными коленками, пожившие, словом. У нас все вещи в театре — не специально сшитые: что-то принесли из дому, что-то подарили. Здесь есть пальто моей бабушки, в котором работаю в «Железных бабках». И есть платье другой моей бабушки, мамы отца. А заляпанный пиджачок Пирогоффа — мой собственный: дома у мамы открыл шкаф и увидел костюмчик, в котором я в седьмой класс ходил. Тут же его надел, он и распояс — маловат стал. А ботинки взял лыжные, чтобы походка вышла шаркающая.

— Вы любите своих персонажей? — Естественно. Были замечательные клоуны братья Фрателлини, и кто-то из них сказал, что в паре «клоун — персонаж» первый беско-

нечно любит второго и постоянно думает о нем, а второй даже не задумывается о существовании первого. Ты все время соображаешь, как сделать персонаж лучше, вдохнуть в него больше жизни, какие у него пластика, костюм, обувь, как шкурки должны торчать. Но на сцене ты сам — этот персонаж и уже ни о чем не думаешь.

— Вы в семье — единственный клоун?

— Да. Мама Люда у нас экономический институт закончила, работала в столовых, а папа Вова — скорняк, шубы делал. Сейчас оба на пенсии. Но, думаю, клоуновское во мне от отца: он постоянно стихи рассказывает, сам их сочиняет, смешить любит всех, всегда в центре внимания. И я с детства дурака валял — и в детском саду, и в школе. Учителя все грозили: «Лейкин, перестань смешить всех, а то выйдешь из класса!» Я на пять минут затихал — и снова, пока в наказание к доске не вызывали. А мне только того и надо, чтобы меня все видели. Передразнивать любил, рожки всякие корчить, чернилами обливаться. А вот пластику специально никогда не тренировал, все само собой получалось.

— Несколько лет назад «Лицедеев» и Вячеслав Полунин расстались. Как выжили без «отца-основателя»?

— Слава нас создал, он — прародитель «Лицедеев», честь ему за это и хвала. Мы и сейчас поддерживаем с ним теплые отношения, хотя были и раздоры, как в любой семье. Стало тяжело существовать вместе: мы были, как выросшие дети, которым хотелось двигаться дальше, а у Славы — другие планы, он по контракту

уехал в Канаду на два с половиной года, откуда — в Лондон, где и живет сейчас со всей семьей. Мы созваниваемся и наверняка еще сделаем что-нибудь вместе. Полунин — очень талантливый человек, он дал нам основу профессии, научил трудиться, заботиться о театре. Хотя, когда встретился с ним после разрыва, он честно сказал: «Я думал, вы погибнете, когда мы разошлись. И вас просто надо наградить за то, что сохранили театр». И действительно, театр «Лицедеев» живет и будет существовать еще очень долго.

— Правда, что собираетесь открывать школу при театре?

— Это будет курс-студия при нашей Театральной академии, бывшем ЛГИТМиКе. Отберем пятнадцать ребят, преподавать им будут мастера, звезды. Художественным руководителем курса уговорили стать Геннадия Викторовича Хазанова, с которым у нас классные отношения. Есть идея сделать с ним спектакль на двоих, где Хазанов практически не будет говорить: «Обет молчания, или Рождение клоуна». Уже многое с ним придумали, а с пьесой, надеемся, Григорий Горин поможет.

— Что сделано «Лицедееми» в послеполюнинскую пору?

— Почти сразу выпустили спектакль «Бессолница» из новых номеров. Сняли кино «Железные бабки» и «Преступление и наказание» с теми же персонажами. Делали телевизионные проекты, съездили на несколько фестивалей — в Голландию, Германию, Бразилию, Гонконг, где сняли фильм «Мир наизусть». Показали премьеру «Доктора Пирогоффа». Сделали несколько уличных спектаклей, школу которых прошли со Славой Полуниным на «Караване мира». Это жанр особый, может преподнести любые сюрпризы. В свое время мы на Новый год построили у Казанского собора замок изо льда, а когда приехали на представление, не могли к нему пробиться: праздничная толпа замок уже захватила штормом, кидалась там льдинами, снежками и нам пришлось уйти несолоно хлебавши. А самая любимая у нас — «Катастрофа», которую везде возим. Это как бы сборник катастроф, в конце которого приезжают пожарные машины, заливают всех пеной, и по горло в этой пене все начинают танцевать. Ну и, конечно, дым, взрывы, все горит.

В Москве мы показывали «Катастрофу» на площади у Театра армии во время «Каравана мира». И очень хотим сделать что-то похожее на Красной площади. Сейчас готовимся провести фестиваль «Рок и клоунада». И есть идеи кинопроекта «Перечитывая заново»: вслед за «Преступлением и наказанием» хотим взяться за «Муму» и «Анну Каренину».

— Вы упомянули «Железные бабки». Это ваш взгляд на женщин?

— Идея «Железных бабок» принадлежит Валере Кефту, мы ее подхватили. Решили отдать долг нашим несгибаемым бабушкам, которые везде шуруют, в очереди стоят с сетками и все равно продолжают улыбаться жизни. Это образ всемирный. Была даже идея поставить в Петербурге памятник «железным бабкам». Есть же памятник матери-Родине, есть на Украине «клепаная мать», как ее называют, а просто бабушке — нет. Бабушке, которую не может сломить ни жизнь, ни смерть, которая существует со своей авоськой наперекор всему.

— Какой из персонажей больше всего похож на вас?

— Наверное, Пирогофф. Я тоже наивен до беспредела. Привык верить людям, хотя иногда это мешает: бывает, обманывают. Тут как-то познакомился с человеком, привел в гости, а он меня обокрал. Теперь смеюсь над своей наивностью. И учусь быть в жизни танкистом. Я в армии служил механиком-инструктором по вождению среднего танка, лихо могу проехать везде. Так что есть опыт существования в «бронне». Да вот давить людей необога.

— Откуда взялось название «Лицедеев»?

— Был спектакль такой в семьдесят шестом году, тогда и решили оставить это имя для театра. После расставания с Полуниным, чтобы никого не обидеть, назвали «Лицедеев» минус четыре, потому что четверо человека ушли. А сейчас снова — клоун-мим-театр «Лицедеев». У нас работает пятнадцать человек. В их числе художник Боря Петрушанский, режиссер Боря Уваров и семеро актеров: Валерий Кефт, Анна Орлова, Виктор Соловьев, Анвар Либабов, Юрий Гальцев, Лариса Наумова и я.

— Не надоели друг другу?

— У нас очень много всяких поездок, так что всегда вместе. Такая уж жизнь, хотя появились и дети, и семьи. От многого приходится отказываться. Я, как в театр пришел, забыл обо всем, меня дома мало видели.

— Ходили слухи о вашем бурном романе с иностранкой.

— Эта история давно ушла в небывшие. Все было как в сказке: первый раз в жизни полюбил, встретил актрису в Дании, мы молодые были. Но видеться удавалось раз в полгода, и в какой-то момент она сказала, что больше так не может. Сейчас родила — не от меня. И я уже три года официально женат на моей любимой жене Маше Уваровой, москвичке. Нашей дочке Лизавете год и четыре месяца. Рожали дома, в воде, я сам пуповину обрезал. И не боялся — я же клоун. Маша по образованию филолог, работала на «Радио Максимум» ди-джем. Познакомились в Питере и 1 апреля девятноста четвертого вместе с «Золотым Остапом» сделали Свадьбу клоуна. Все думали, это шутка, но через двадцать дней, когда устроили настоящую свадьбу, поверили. Сейчас так получилось, что Маша с дочкой живут в Москве, а я часто к ним приезжаю. Хотя, по мне, жена должна быть вместе с мужем. Конечно, скучаю по дочке, она классная: красивая, смешная. И, представляете, у нее два разных глаза: один карий, другой голубой! Маша с ней уже набралась опыта и мечтает сделать на телевидении передачу для молодых мам. С бытом справиться ей бабушка и прабабушка помогают. И я, когда приезжаю, не отлыниваю, если надо, готовлю нормально — и борщ могу сделать, и салат.

— С фестивалем «Золотой Остап» как подружились?

— После расставания с Полуниным у нас никакого помещения не оказалось, весь реквизит держали по квартирам. И нас приютили Виктор Билевич и Владимир Николенко у себя в Доме сатиры и юмора. А сейчас вместе с «Золотым Остапом» открыли «Чаплин клуб», сокращенно ЧК. Это клуб, в который могут приходиться и выступать близкие нам по духу люди, наши друзья. Хотим сделать его элитным и престижным — и чтоб никаких бандитов! Ведутся разговоры о приезде Джеральдины Чаплин, которая нам со съемом из Гонконга прислала поздравительное письмо. Надеюсь, наш клуб, как и тот, в чью честь он назван, будет всеобъемлющим: Чаплин — это и музыка, и кино, и клоунада.

— Какие качества нужны клоуну?

— Он должен быть добрым. И быть лириком, фантазером. И еще чистым и светлым, как ребенок. Как ангел. Хотя жизнь накладывает отпечаток и сам я — далеко не ангел.

— Правда, что вы пишете стихи?

— Да, у меня даже книжка вышла в Париже. Оформлял ее Боря Петрушанский, а помогали выпускать Алексей Хвостенко и Синявские — Мария Васильевна и Андрей Донатович. Там есть такое стихотворение, к примеру: «Что такое далеко? Далеко — это не близко. Что такое близко? Близко — это не далеко. Тот, кто ходит близко, тот не ходит далеко. Тот, кто ходит далеко, переходит через близко и уходит далеко». И проза тоже есть: «Он отгонял от себя мысли. Отгонял, отгонял, и они ушли, навсегда».

— А почему перестала выходить телепрограмма «Доброе утро с Леонидом Лейкиным»?

— Видимо, нашлись недоброжелатели. Делал я передачу по предложению Николая Фоменко, стрелася она на чистой импровизации, выходила каждый день. Хотелось, чтобы люди каждое утро запасались хорошим настроением. А сейчас есть новый проект — сделать передачу вместе с «Лицедееми» и выпускать ее дважды в месяц.

— Клоун должен быть оптимистом?

— Конечно. Потому что клоун борется с мировым злом посредством смеха. А это очень сильное оружие. В свое время мы даже в роддоме выступали, и женщины, которые никак не могли разродиться, после наших номеров укачивались со смеха и рожали нормально. Несколько раз давали концерты в «Крестах». Принимали отлично, а начальник тюрьмы нам пообещал: «Ребята, если что — лучшие камеры ваши!»

— Как удается сохранять оптимизм?

— Я же клоун!

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Санкт-Петербург.

Фото Гоши СЕМЕНОВА.

Лейкин Леонид